

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Марина Цветаева

На третьем месяце Великой Отечественной войны, 31 августа 1941 года, не дожив года с небольшим до своего октябрьского пятидесятилетия, в глухой Елабуге в состоянии сильной душевной депрессии покончила с собой Марина Ивановна Цветаева. Мир потерял одного из самых оригинальных и своеобразных поэтов.

Она была выдающимся поэтом-профессионалом, наряду с В.В. Маяковским реформировавшая русское стихосложение на много лет вперед. Такой замечательный поэт, как А.А. Ахматова, которая так восхищалась Цветаевой, была лишь хранительницей традиций, но не их обновителем, и в этом смысле Цветаева выше Ахматовой. «*Меня хватит на 150 миллионов жизней*», – говорила Цветаева. К сожалению, и на одну, свою, не хватило.

Боже, она с рождения была женщиной!

*Кто создан из камня,
кто создан из глины, –
А я серебряюсь и сверкаю!
Мне дело – измена,
мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.*

После прочтения этих строк у вас должно возникнуть ощущение самолюбивой независимости, легкости, бравады, вызова у написавшего их. Женского вызова жизни, именно женского. «Смотрите, какая я, – говорит она. – Я такая – и все. Я все знаю про себя. Принимайте меня или нет – выбор ваш. Но я – Марина, я вышла из моря, рождена им, переменчива и знаю себе цену!»

У нее были чудные отец и мать. Отец, Иван Владимирович, профессор Московского университета, искусствовед и филолог, создал прекрасный музей – Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Мать, Мария Александровна Мейн (по происхождению – из обрусевшей польско-немецкой семьи), пианистка, ученица Николая Рубинштейна, самозабвенно занималась воспитанием детей – залила их

музыкой, как говорила сама Цветаева: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом». Ее первый сборник – «Вечерний альбом» – был пронизан искренностью и неопытностью юности, он весь светился, в нем, по словам Н.С. Гумилева, «эпиграф взят из «Ростана», а слово «мама» почти не сходит со страниц». Такой искренней она осталась до конца жизни.

Цветаева всегда безжалостно обнажала свои чувства:

*Я – страница твоему перу.
 Все приму. Я белая страница.
 Я – хранитель твоему добру:
 Возвращу и возвращу сторицей.
 Я – деревня, черная земля.
 Ты мне – луч и дождевая
 влага.
 Ты – Господь и Господин,
 а я –
 Чернозем – и белая бумага!*

С детства она жила Пушкиным: «Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили. С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта; защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались».

Несколько лет назад я прочитал эссе Цветаевой о Гончаровых – жене Пушкина, Наталье Николаевне, и ее двоюродной внучке Наталье Сергеевне Гончаровой, известной художнице. Меня пронзила мысль Цветаевой о том, что Пушкин знал, на что он идет, беря в жены Наталью Гончарову. Он знал, что это его смерть, его рок, но он выбрал его и не мог поступить по-другому. И Наталья Николаевна знала, что Пушкин предписан ей Богом, что он тоже ее судьба, ее тяжелый и счастливый крест. И она должна и готова была его нести до могилы.

«Пушкин меня заразил любовью» – и Цветаева доказывает, что уроки Пушкина она несет в себе всю жизнь:

*Любовь! Любовь!
 И в судорогах, и в гробе
 Насторожусь – прельщусь –
 смущусь – рванусь.
 О милая!
 Ни в гробовом сугробе,
 Ни в облачном с тобою
 не прощусь.
 ...
 И если все ж – плеча,
 крыла, колена
 Сжав – на погост
 дала себя увезть, –*

*То лишь затем, чтобы,
смеясь над тленом,
Стихом восстать –
иль розаном расцвести!*

Какая все-таки жизнеутверждающая сила духа в этой женщине! И это помогало ей преодолевать суровые трудности на своем жизненном и поэтическом пути.

Жизнь много бросила на ее долю испытаний. Она крутила ее, складывала и мяла. Но не ожесточила. Ее муж, Сергей Яковлевич Эфрон, в 1917 году видел вокруг только «голодные хвосты, наглые лица, скандалы, драки, грязь», а она, не приняв революционного хаоса, в годы тяжелых лишений, особенно тяжелых для нее, не умеющей и не любящей переносить бытовые мытарства, пишет: *«Большевики мне дали хороший русский язык (речь, молвь)... Очередь – вот мой Кастальский ток! Мастеровые, бабки, солдаты...»*

А вот какие стихи, словно забытые нынешними хамелеонами от истории литературы, написала Цветаева 12 мая 1918 года:

*Бог – прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,
Вором и гадом,
Мором и гладом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.
Попранным Словом.
Проклятым годом.
Пленом царевым.
Вставшим народом.*

Она полна жизни и надежды:

*Солнце – одно,
а шагает по всем городам.
Солнце – мое.
Я его никому не отдам.*

...

*В руки возьму! –
Чтоб несмело вертеться
в кругу!
Пусть себе руки, и губы,
и сердце сожгу!*

Уехав все-таки в конце концов в 1922 году вслед за мужем в Прагу, она на долгие годы рассталась с Россией. Это расставание было для нее непрекращающейся болью. Боль эта вылилась в 1934 году в знаменитое стихотворение оглушительной исповедальности:

*Тоска по Родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой
Быть...*

Эту строфу Цветаева пишет фрондерски, «через себя». Но щемит в груди, горло пересыхает, когда приходишь до следующих строк:

*Всяк дом мне чужд,
Всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...*

Об эмиграции Цветаева позднее напишет так: «Моя неудача в эмиграции – в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размаху – там, туда, оттуда...»

Цветаева вернулась в Москву 18 июня 1939 года. Вернулась не только потому, что здесь уже был ее муж, которого она поклялась никогда не бросать, не только потому, что жила она за границей очень бедно, почти нищенски. Вернулась потому, что «куст встает, особенно – рябина». Потому вернулась, что не могла не вернуться, туда не вернуться, где были ее истоки, где были ее стихи. Ее не арестовали, но ей была уготована не менее ужасная доля – ее перестали замечать.

Свои дни она также закончила нищетой. Когда началась война, ее отправили в эвакуацию в городок на Каме – Елабугу. По словам К.Г. Паустовского, Б.Л. Пастернак, помогавший ей укладываться, обвязал чемодан толстой и крепкой веревкой. На этой веревке она и повесилась. Не выдержала унижений нищетой, одиночеством, не смогла перенести состояния ненужности никому... Работы в Елабуге она не нашла, ее не взяли даже посудомойкой. Рассказывали, что ее подкармливала милиционерша, которой она помогала в постирушках.

*К тебе, имеющему быть
рожденным
Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, как на смерть
осужденный,
Своей рукой – пишу:
– Друг! Не ищи меня!
Другая мода!
Меня не помнят даже старики.*

Вот тут она ошиблась. В первые годы советской власти ее мало издавали. Но также не были обласканы вниманием такие прекрасные русские лирико-романтические поэты, как Николай Гумилев, Сергей Есенин, Анна Ахматова, Николай Клюев, Георгий Иванов, Владислав Ходасевич, Иван Бунин и другие. *Эпоха была такая. Время бурного строительства советского государства требовало иных поэтов.* Нужны были *поэты-трибуны*, как гениальный Владимир Маяковский, заражавшие своей созидательной энергией народные массы и звавшие на подвиг и на труд. Это было очень необходимо в те годы.

Но ее помнили. Помнили, хотя даже могила ее была потеряна. Е. Евушенко, побывавший в 1970 году в Елабуге, писал, что он видел только колышек с надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева». Потом установили надгробную гранитную плиту. Причем сестра ее, писательница Анастасия Ивановна Цветаева, в конце своей долгой жизни утверждала, что плита лежит точно на месте захоронения Марины Ивановны.

Она знала себе цену, эта «бренная пена морская», эта Марина.
Марина Ивановна Цветаева, замечательный русский поэт.
Спасибо ей за пророчество – стихи ее с нами навсегда.
Черед их настал давно...

Юрий Евгеньевич Сидоров,
профессор, Санкт-Петербург

